

Экономический переворот Александра III: от свободной торговли к протекционизму

С.А. НЕФЕДОВ

The economic revolution of Alexander III: from free trade to protectionism

S.A. NEFEDOV

Аннотация. Статья посвящена обстоятельствам перехода к протекционизму в период правления Александра III. В 1860-х – 1870-х гг. фритредерская политика министра финансов М.Х. Рейтерна привела к стагнации тяжелой промышленности и отставанию от стран Запада. Протест славянофильских предпринимательских кругов против фритредерства был донесен до наследника престола Александра Александровича через профессора И.К. Бабста. В 1881 г. наследник стал императором Александром III, Победоносцев – его ближайшим советником, а Катков – рупором «нового курса». Промышленники получили право голоса, в 1882 г. был созван большой Торгово-промышленный съезд, который потребовал введения покровительственных пошлин. После оказания давления на протяжении длительного периода времени на либерального министра финансов Н.Х. Бунге (и его последующей отставки) были введены пошлины, обеспечившие ускоренное развитие российской тяжелой промышленности и частичное преодоление отставания.

Ключевые слова: свободная торговля, протекционизм, Великая дивергенция, М.Х. Рейтерн, И.К. Бабст, М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, Александр III.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the circumstances of the transition to protectionism in the reign of Alexander III. In the 1860s and 1870s, the "free trade" policy of finance minister M.Kh. Reiterm led to the stagnation of heavy industry and lagging behind western countries. The protest of Slavophile business circles against "free trade" was conveyed to the heir to the throne, Alexander Alexandrovich, through professor I.K. Babst. In 1881, the heir became the Emperor Alexander III, Pobedonostsev – his closest adviser, and Katkov – "the mouthpiece" of the new political course. The industrialists gained the right to vote, in 1882, a large Trade and Industrial Congress was convened, which demanded the introduction of protective duties. After a long period of pressure on the liberal minister of finance N.Kh. Bunge (and his resignation), duties were introduced that ensured the accelerated development of Russian heavy industry and partially overcome the backlog.

Key words: free trade, protectionism, the Great Divergence, M.Kh. Reiterm, I.K. Babst, M.N. Katkov, K.P. Pobedonostsev, Alexander III.

XIX столетие было временем так называемой «великой дивергенции». Это был период промышленной революции, когда резко обозначилось опережающее развитие Запада, сформировалось противопоставление индустриального «центра» и аграрной «периферии». Мы используем

терминологию автора мир-системной теории И. Валлерстайна, который показал, что, пользуясь своим экономическим и военным преимуществом, страны «центра» стремились навязать «периферии» роль поставщика сырья и потребителя их промышленной продукции. Одним из примеров торговых соглашений такого рода был англо-турецкий договор 1838 г., превративший Османскую империю в рынок сбыта английских товаров и погубивший местную промышленность¹. После Крымской войны попытка такого же включения в мир-систему была предпринята и в отношении России. Под давлением победителей Россия была вынуждена значительно снизить импортные пошлины, что не привело к столь серьезным последствиям, как в Турции, но существенно замедлило развитие тяжелой промышленности. В то время как на Западе производство металла быстро росло, российская индустрия находилась в состоянии стагнации, и отставание становилось катастрофическим. Если в 1825 г. Россия превосходила США и Германию по выплавке чугуна, то в 1880 г. в России чугуна производилось в шесть раз меньше, чем в Германии, в девять раз меньше, чем в США, и в 17 раз меньше, чем в Англии².

Каким образом удалось ликвидировать эту экономическую отсталость? Историки обычно не задаются этим вопросом – считается, что развитие шло естественным путем. В.Л. Степанов обходит стороной вопрос о катастрофическом промышленном отставании³. А.М. Соловьева, автор наиболее подробного исследования о развитии промышленности во второй половине XIX в., констатирует, что «с 80-х годов XIX в. промышленная революция вступила в завершающий, интенсивный этап развития»⁴. А. Гершенкрон полагает, что ускорение развития промышленности произошло естественным образом, когда были изжиты последствия крепостничества⁵. Л.В. Куприянова также считает, что развитие шло своим чередом и переход к протекционизму был вызван не осознанием катастрофического отставания, а финансовым кризисом и фискальными нуждами правительства⁶. А.М. Соловьева утверждает, что протекционизм «носил реакционный характер»⁷. Другие исследователи пишут о давлении на правительство со стороны промышленных кругов, роли консервативной прессы, германском примере⁸.

Некоторые авторы⁹ отмечают, что экономическая политика российского правительства следовала общеевропейскому тренду. Англия осуществляла не только дипломатическое, но и идеологическое давление на другие страны в целях распространения принципа свободной торговли (free trade).

Нефедов Сергей Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, профессор Уральского федерального университета. E-mail: hist1@yandex.ru.

Nefedov Sergey A. – PhD (History), leading researcher at the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, professor of the Ural Federal University. E-mail: hist1@yandex.ru.

Утверждалось, что в соответствии с законами политической экономии А. Смита аграрным странам намного выгоднее свободно обменивать свою сельхозпродукцию на товары промышленных стран, нежели производить их самим. В 1860 г. это идеологическое давление привело к заключению англо-французского договора (так называемый договор Кобдена-Шевалье), резко снизившего французские таможенные тарифы. Этот договор стал образцом для других соглашений, открывших европейские страны для английского промышленного экспорта. На какое-то время почти вся Европа стала аграрной «периферией» для промышленного «центра», то есть для Англии.

Российское правительство отреагировало на европейскую волну распространения свободной торговли дальнейшим снижением пошлин по тарифу 1868 г. Наиболее важно, что в 1860-х гг. был разрешен беспошлинный ввоз металлов для машиностроительных заводов и строившихся железных дорог. В 1866 г. по инициативе либерального министра финансов М.Х. Рейтерна была принята программа по созданию первой железнодорожной сети. В 1867–1874 гг. было построено 13,4 тыс. верст железнодорожных линий. Для строительства требовалось огромное количество металла, а в условиях свободной торговли и функционировавшей в России концессионной системы российское железо не могло конкурировать с западным, поэтому многомиллионные заказы железнодорожных компаний уходили за границу. «Не должно забывать, что эти русские деньги много содействовали развитию железного производства в Западной Европе, особенно в Германии», – писал впоследствии Д.И. Менделеев¹⁰. В 1860–1874 гг. выплавка чугуна в Германии увеличилась в четыре раза, а в России – только на 14 %¹¹. Россия катастрофически отставала в развитии тяжелой промышленности.

Здесь мы переходим к истории борьбы российских промышленников с фритредерством. Следует отметить, что еще в 1864 г. была предпринята попытка включения России в сеть соглашений Кобдена-Шевалье. Германский коммерческий съезд выступил с предложением к российскому правительству о взаимном снижении пошлин. В следующем году московские промышленники созвали свой съезд, чтобы не допустить принятия этих предложений. Фабриканты, придерживавшиеся в основном славянофильского направления, избрали постоянную депутацию, в которую входили в том числе крупные капиталисты А.П. и Д.П. Шиповы, Т.С. Морозов, публицист Ф.В. Чижев и профессор политической экономии И.К. Бабст. Присутствие профессора Бабста среди славянофилов объяснялось тем, что он был убежденным протекционистом, последователем «национальной политической экономии» Ф. Листа и исторической школы В. Рошера. В отличие от проповедовавшей свободу торговли «космополитической экономии» А. Смита, Ф. Лист являлся адептом экономического национализма, прокламировавшим необходимость таможенной защиты национальной промышленности¹².

Будучи прекрасным лектором, И.К. Бабст был приглашен наставником царских детей графом С.Г. Строгановым в качестве преподавателя политической экономии цесаревичу Николаю Александровичу. В 1863 г. Бабст совершил с цесаревичем образовательное путешествие по российским губерниям. После неожиданной смерти наследника престола Бабст продолжал свою педагогическую деятельность при новом наследнике Александре Александровиче. Вместе с К.П. Победоносцевым сопровождая его в двух поездках по России (1866 и 1869 гг.), Бабст посещал с молодым цесаревичем промышленные предприятия, рассказывал об организации производства, не забывая упомянуть о необходимости таможенного покровительства. Во время борьбы промышленников против продвигаемого Рейтерном тарифа 1868 г. Бабст устроил встречу их депутатов с наследником, и его вмешательство позволило ограничить планировавшееся резкое снижение пошлин на текстиль. Однако это был один из редких случаев – молодого цесаревича, как правило, не допускали до решения важных дел. «С ними ничего не поделаешь», – жаловался наследник на фритредеров из таможенной комиссии¹³. Однако в 1874 г. Александр Александрович вспоминал, что вместе с промышленниками ему все же удалось «попридержать наших freetrader'ов». Острая неприязнь к «колбаснику немцу» Рейтерну сохранялась у наследника вплоть до отставки последнего¹⁴.

Таким образом, благодаря профессору Бабсту и его знакомству с теорией Ф. Листа российские промышленники приобрели важного союзника в борьбе за свои интересы. Друг Александра князь В.П. Мещерский также способствовал образованию своего визави, организуя встречи со знающими русскую жизнь людьми. Некоторых из них, например главу новгородского земства Н.А. Качалова, приглашали из провинции. «Мне приходится дополнять свое воспитание практическими сведениями, – сказал наследник Качалову, – и первоначально, конечно, необходимо познакомиться подробно с экономическим положением наших провинций. Я просил князя Владимира Петровича объехать Россию и передать мне собранные им сведения, но князь нашел, что собранные им сведения недостаточны, и рекомендовал вас»¹⁵. «Много вечеров я провел у цесаревича в Аничкинском дворце, – вспоминал Качалов, – в собраниях этих участвовали: К.П. Победоносцев, профессор Бабст и князь Мещерский»¹⁶.

Позднее круг приглашенных на эти собрания расширился, и в них от случая к случаю участвовали граф С.Г. Строганов, князь С.Н. Урусов, князь Д.А. Оболенский, историк С.М. Соловьев, публицист М.Н. Катков, славянофилы И.С. Аксаков, Г.П. Галаган, князь В.А. Черкасский. Мещерский позднее вспоминал, что «сходились тут умные люди разных, так сказать, направлений», но при этом «никогда вопросы не ставились на почву либерального увлечения». Шеф жандармов граф П.А. Шувалов однажды осведомился у Мещерского, «не заходят ли подчас слишком далеко некоторые из моих собеседников в своих политических суждениях?» «Дышавшей

жизнью беседе цесаревича с единомышленниками о России дан был смысл политической сходимости»¹⁷. Действительно, Мещерский говорил о членах своего кружка как о представителях «твердого русского начала», сторонниках национальной, «противоположной нынешней» политики. Такого рода неосторожные заявления ставили наследника престола в оппозицию отцу-императору, и Александр Александрович был вынужден порвать отношения со своим другом. Деятельность кружка Мещерского на этом прекратилась, но в дальнейшем вынашиваемые в нем идеи сыграли важную роль в формировании политики Александра III¹⁸.

Вмешательство наследника престола позволило сохранить охранительные пошлины на текстиль. Таким образом, в таможенной политике существовал двойной подход: практически свободная торговля металлами и относительно высокое обложение текстиля. В 1869 г. пошлина составляла 4 % от стоимости ввезенного железа и 34 % от стоимости импортированных хлопчатобумажных тканей. Это сказывалось на развитии соответствующих отраслей промышленности: в то время как хлопчатобумажное производство развивалось и в 1870–1874 гг. обеспечивало 90 % внутреннего потребления, горная промышленность находилась в состоянии стагнации – собственное производство давало лишь 40 % от общего объема потребления металла (в пересчете на чугун); более половины металлов импортировалось¹⁹. В такой обстановке продолжалось начавшееся со съезда 1865 г. движение промышленников против фритрейда. В 1867 г. было создано «Общество для содействия и развития русской промышленности и торговли» (ОДСРПиТ), которое в 1870 г. провело в Петербурге свой первый съезд²⁰.

Целью создания железнодорожной сети было резкое увеличение экспорта российских товаров, по большей части зерна. Экспорт действительно увеличился, но увеличился и импорт – огромные расходы на ввоз железнодорожного оборудования нарушили торговый баланс, и с 1872 г. он стал отрицательным. Хотя Рейтерн придерживался либеральных фритредерских позиций, в обстановке финансового кризиса он был вынужден повышать пошлины. В конце 1876 г. было принято решение сократить импорт путем перехода на взимание таможенных пошлин золотом, что означало повышение всех пошлин в полтора раза. Эта мера имела чисто фискальный характер – пошлины повышались на все товары, независимо от их прежнего размера. Для тяжелой промышленности повышение пошлин было недостаточным; кроме того, основная часть металлов ввозилась беспошлинно. Таким образом, вопреки утверждениям некоторых исследователей²¹, вынужденные меры Рейтерна не означали переход к протекционизму.

Идеи кружка Мещерского были связаны с ростом национализма в 1860–1870 гг., в эпоху создания новых национальных государств, объединения Италии и Германии. В России подъем национализма был вызван реакцией на польское восстание 1863–1864 гг. На этой волне приобрел популярность талантливый публицист, редактор газет «Московские ведомости» и

«Русский вестник» М.Н. Катков, взывавший к патриотизму и решительным действиям против мятежных поляков. Катков был единомышленником и другом Победоносцева и вместе с ним на страницах своих газет пытался противостоять усилению либеральных тенденций в конце 1870-х гг. Победоносцев организовывал встречи Каткова с наследником престола, который с интересом читал его статьи и письма²². Однако национализм Каткова и Победоносцева в то время не распространялся на сферу экономики. «Удержание золотой пошлины означало бы переплату всеми достаточными и недостаточными классами или сокращение их потребления в пользу нескольких сотен русских фабрикантов... пошлины должны быть отменены», – писалось в «Русском вестнике», редактируемом М.Н. Катковым²³.

В июле 1878 г. Рейтерн ушел в отставку – это было признанием неудачи проводимой им политики. Вслед за отставкой Рейтерна произошли события, радикально повлиявшие на экономическую историю Европы, что было следствием произошедшей в 1850-е – 1870-е гг. транспортной революции. Строительство железных дорог и появление на морях пароходов намного уменьшили стоимость транспортировки товаров, в том числе перевозки зерна. Наплыв дешевого зерна из Америки и России вызвал падение цен в Западной Европе, что привело к разорению аграриев, крестьян, фермеров и землевладельцев. В сочетании с длительным промышленным кризисом аграрный кризис привел к тому, что впоследствии назвали Великой европейской депрессией. В такой обстановке германские аграрии, бывшие прежде фритредерами, присоединились к промышленникам в требовании ввести импортные пошлины. Бурная агитация за покровительственные тарифы шла под националистическим лозунгом защиты национального труда. Либералов, проводивших политику свободной торговли, обвиняли в следовании космополитической и антинациональной доктрине, в «расстройстве национальной экономики», в том, что они «действовали в тесном союзе с еврейскими спекулянтами»²⁴.

Выборы в июле 1878 г. привели к поражению либеральных партий и созданию в рейхстаге протекционистского народнохозяйственного объединения. Канцлер Бисмарк, ранее поддерживавший либералов и свободу торговли, решил сменить курс и опереться на новое парламентское большинство. 15 декабря (по новому стилю) он опубликовал послание бундесрату, указав на то, что при «нынешнем бедственном состоянии отечественной промышленности ввозные пошлины представляются слишком умеренными» и их необходимо повысить²⁵.

Оправившись от неожиданности, либеральные газеты обвинили Бисмарка в измене и пренебрежении теорией политической экономии А. Смита. Утверждалось, что тарифная реформа принесет выгоду лишь промышленникам и приведет к росту цен. Выступая в рейхстаге, Бисмарк отвечал на эти обвинения: «Абстрактные научные теории оставляют меня абсолютно равнодушным, я доверяю лишь опыту... С тех пор, как мы снизили тарифы, мы истекаем кровью... Я вижу, что страны, защищающие себя, процветают»²⁶.

В действительности, однако, на столе у канцлера лежала книга Ф. Листа. 12 июля закон о финансовой реформе был принят рейхстагом. Беспшлинный ввоз металлов был прекращен, пошлина на ввоз чугуна отныне составила примерно 18 % от стоимости, пошлина на ввоз пшеницы поначалу была 6 %, но к 1887 г. она достигла 30 %²⁷.

Послание Бисмарка бундесрату 15 (3) декабря стало мировой сенсацией. Уже через несколько дней оно оказалось главной темой обсуждения российских газет. 22 декабря Катков суммировал отзывы либеральной прессы. «Всякие экономические учения для князя Бисмарка – дело постороннее... – кричат негодующие в Петербурге. – Он заботится ведь главным образом о том, чтобы крупновские заводы не оставались без заказов...»²⁸ Но, спрашивает Катков, что породило столь бурную реакцию петербургских либеральных экономистов? Дело в том, что ситуация в Германии была во многом схожа с положением в России, где политика свободной торговли также привела к финансовому и экономическому кризису. «Сделанный германским канцлером решительный шаг должен раскрыть глаза многим, слепо шедшим доныне по следам слепых вожаков»²⁹.

Как отмечалось ранее, в 1877 г. Катков выступал против повышения пошлин, повторяя утверждения космополитической доктрины о том, что оно приведет к сокращению потребления всех классов «в пользу нескольких сотен русских фабрикантов». В декабре 1878 г. он призвал «покончить с этой доктриной», вслед за немецкими консерваторами назвав ее антинациональной. Что случилось? Катков и раньше был поклонником Бисмарка. Очевидно, «сделанный германским канцлером решительный шаг» раскрыл глаза редактору «Московских ведомостей». В номере от 12 января следующего года он смотрит на события шире: «Обнародование его (Бисмарка. — С.Н.) программы совпадает с огромным поворотом, совершившимся в конце 1878 г. в международных торговых отношениях почти всех европейских государств, поворотом, нанесшим системе фритредерства еще более сильный, почти уничтожающий удар». Речь идет о том, что система договоров Кобдена-Шевалье вызвала в Европе реакцию отторжения, и после провозглашения программы Бисмарка многие государства стали отказываться от продления договоров и выходить из режима свободной торговли³⁰. Катков, может быть, первым констатировал волнообразное распространение и смену экономических парадигм в Западной Европе. «Так же, как англо-французское соглашение 1860 года отмечает начало периода свободной торговли, этот новый немецкий тариф отмечает конец периода и постепенное возвращение к протекционизму на континенте», – отмечал П. Байрох³¹. Как и современные исследователи, Катков понимал, что речь идет о глобальных экономических процессах и Россия должна подчиниться этим процессам, то есть победа протекционизма предрешена.

В номере от 2 марта Катков заключает, что «хороший пример (Бисмарка. — С.Н.) заслуживает подражания». Он предоставляет слово одному из лидеров промышленников Д.П. Шипову, который сообщает, что уральское железо на

Нижегородской ярмарке остается нераспроданным, потому что английский металл пропускается через границу по большей части беспошлинно. «При таком положении дела волей-неволей должно согласиться с людьми, видящими причину расстройств русской железной промышленности в нашем таможенном тарифе», – заключает Катков³². В номере от 12 апреля он выносит суровый приговор политике Рейтерна: «Постройка железных дорог, бывшая в других странах сильным поощрением железной промышленности, у нас имела обратные последствия и поощряла не отечественное, а иностранное производство... Россия стала в этом отношении в полную зависимость от иностранцев, которые, прекратив привоз к нам металлов, например, в случае войны, могут поставить нас в весьма затруднительное положение. Оставаться в таком положении далее невозможно. Сила обстоятельств вынуждает наконец распространиться с экономическими доктринами, приведшими к такому печальному результату»³³.

Какова была реакция правительства на реформу Бисмарка? По докладу нового министра финансов С.А. Грейга 30 марта 1879 г. была учреждена Комиссия для пересмотра таможенных пошлин на металлы. Председателем комиссии был назначен член Государственного совета Г.П. Небольсин – один из создателей фритредерского тарифа 1868 г. Уральские горнозаводчики представили в комиссию прошение об отмене льготы беспошлинного ввоза металлов для механических заводов и пересмотре тарифа. Комиссия согласилась с тем, что беспошлинный металл часто используется не по назначению и льготу следует отменить, но вместе с тем она предложила вообще отменить пошлину на чугун! Однако Государственный совет посмотрел на вопрос иначе и, отменив льготы, сохранил пятикопеечную пошлину на чугун (3 июня 1880 г.). Впрочем, он исходил не из желания помочь промышленникам, а из фискальных соображений, стремясь к увеличению таможенного дохода в обстановке финансового кризиса,³⁴ – в правительстве не собирались брать пример с Бисмарка и переходить к протекционизму.

Отмена беспошлинного ввоза не изменила ситуацию в горной промышленности, поскольку низкая пятикопеечная пошлина не спасала от наплыва импортного металла. В октябре 1880 г. Грейг был смещен с должности, и новым министром финансов стал последователь Рейтерна А.А. Абаза, проведший десятипроцентное «огульное» повышение всех пошлин. Как и введение золотых пошлин, эта мера проводилась в фискальных целях. Пошлина на чугун теперь составляла 5,5 коп. на пуд, потребности горнопромышленников, просящих о покровительственных тарифах, по-прежнему игнорировались³⁵.

Переломным моментом в борьбе за покровительственные пошлины стало вступление на престол 1 марта 1881 г. нового императора Александра III. Очевидным образом проявился результат бесед, организованных Мещерским в Аничковом дворце. Под влиянием своих бывших наставников Победоносцева и Строганова (Бабст к тому времени отошел от дел) Александр III издал 29 апреля манифест, что означало принципиальный отказ от прежней

либеральной политики. Некоторые мемуаристы выражали уверенность в том, что манифест был создан совместно Победоносцевым и Катковым³⁶. Абаза, как и многие либеральные министры, выразил несогласие с новым курсом и ушел в отставку. В мае 1881 г. управляющим Министерством финансов был назначен профессор Н.Х. Бунге. На первый взгляд могло показаться, что смена министра не сулит перемен. Бунге был заместителем Абазы («товарищем министра») и таким же либералом, как и его шеф. Еще в 1880 г. Бунге направил Александру II записку «О финансовом положении России», в которой в либеральном духе выступал за ограничение государственной помощи промышленникам, предлагая им опираться на свои силы и брать кредиты в частных банках³⁷. При назначении на должность министра Катков предлагал Бунге свою поддержку в обмен на введение покровительственных тарифов, но тот отказался. В.Л. Степанов называет Бунге «последним из могикан», последним либералом в правительстве³⁸. Однако Бунге знал о протекционистских настроениях Александра III и был готов поступиться своими либеральными идеалами. Выступая в мае 1882 г. на Московский бирже, Бунге заявил, что «считает своим долгом содействовать преуспеянию торговли и промышленности и уверен, что все клонящееся к действительной пользе удостоится всегда милостивого внимания и одобрения государя императора»³⁹.

Убийство Александра II вызвало подъем националистических настроений. Новый министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев писал, что почву для тайной организации нигилистов составляли поляки и евреи, а в Петербурге существует «могущественная польско-жидовская группа», которая подчинила своему влиянию банки и большую часть прессы. В 1881–1882 гг. было приостановлено издание основных либеральных газет, и Катков стал лидером, формирующим общественное мнение. Победоносцев писал Игнатьеву, что к императору не следует допускать журналистов, кроме Каткова. Как и в Германии, национализм проявлялся параллельно в политике и экономике. Игнатьев поддерживал тесные связи с московскими промышленниками-славянофилами (после отставки он стал председателем ОДСРПиТ). В своей записке он писал, что необходимо изменить таможенные тарифы, чтобы «дать перевес внутреннему производству над иностранным»⁴⁰. Уже в октябре 1881 г. ОДСРПиТ заявило о решении провести в следующем году Торгово-промышленный съезд. Следует отметить, что до тех пор ОДСРПиТ не имело никакого влияния в правительственных сферах, и о его деятельности не было слышно⁴¹. Теперь же планировалось необычное по масштабам мероприятие – на это время в Москве была намечена грандиозная Всероссийская художественно-промышленная выставка, на которую должны были съехаться тысячи предпринимателей – их приглашали высказаться о насущных экономических проблемах. Было получено Высочайшее разрешение, а обширная программа съезда была утверждена министром финансов. Заседания открывал великий князь Алексей Александрович⁴². «Гвоздем этого съезда был вопрос о протекционизме, – писал П.А. Берлин. – Съезд густо окрасился в

краску протекционизма. В этом вопросе промышленные деятели держались на съезде непримиримо, не желая идти ни на какие компромиссы и подвергая критике недостаточную твердость правительства»⁴³. Присутствовавший на съезде министр финансов (что тоже было ново) был вынужден отвечать на обвинения в поддержании низких таможенных пошлин: «Но пошлина представляется ли единственной мерой? Правительство и без вас знает этот путь»⁴⁴.

В итоге съезд постановил ходатайствовать о пошлине на чугун в 25 зол. коп. за пуд на срок не менее 15 лет. Это составляло примерно 40 % от стоимости английского чугуна в Петербурге. Оставаясь в душе либералом, Бунге согласился лишь на минимальную уступку: введение 15-копеечной пошлины через три года с обязательством не менять ее в течение 12 лет. Соответствующий закон вступил в силу 16 июня 1884 г.⁴⁵

Однако пошлина в 15 коп. не решала проблем развития промышленности – горнозаводчики просили о пошлине в 25 коп. Как и ранее, на стороне промышленников выступал Катков, приобретший к началу 1884 г. такое влияние, что великий князь Михаил Николаевич жаловался на то, что «государь, состоя под влиянием Каткова и Победоносцева, руководствуется их мнениями при решении дел Государственного совета»⁴⁶. К кампании против Бунге присоединился Мещерский, к тому времени вновь завоевавший доверие императора и издававший газету «Гражданин». В конечном счете исход этой борьбы решил Александр III. В 1885 г. он предписал Бунге «сообразить и возможно скорее провести мероприятия, необходимые для защиты железной индустрии против конкуренции предприятий иностранного характера»⁴⁷. В следующем году Бунге был уволен со своей должности, и новый министр финансов И.А. Вышнеградский ввел 25-копеечную пошлину, о которой просили промышленники. После этого началось бурное развитие русской металлургии. «И вдруг, – удивляется М.Н. Покровский, – произошло нечто чудесное: сухая история народного хозяйства явно начинает принимать романтический оттенок. До 1887 года на юге России работало только два железодельных завода – Юза и Пастухова. С этого года заводы начинают расти, как грибы. За короткое время возник целый ряд чудовищных чугуноплавильных заводов – Александровский, Каменский, Гданцевский, Дружковский, Петровский, Мариупольский, Донецко-Юрьевский, Таганрогский и пр.»⁴⁸

Подводя итоги, можно отметить, что российский протекционизм возник в русле общеевропейской тенденции, развитие которой было вызвано таможенной реформой Бисмарка. Это была реакция на фритредерство 1860-х – 1870-х гг., губительным образом сказавшееся на развитии тяжелой промышленности и обусловившее катастрофическое отставание России в металлургии и машиностроении. Однако история российского протекционизма была достаточно сложной – она началась с участия в съезде московских промышленников-славянофилов последователя идей Ф. Листа

профессора И.К. Бабста. Профессор преподавал политическую экономию молодым князьям – сыновьям императора Александра II. Вокруг цесаревича Александра Александровича сформировался собиравшийся до 1873 г. и руководимый князем Мещерским кружок по изучению народного хозяйства. Кроме Бабста, активным членом кружка был другой наставник цесаревича – К.П. Победоносцев. Вразрез с официальной политикой на этих собраниях обсуждались идеи политического и экономического национализма. К этому кружку примыкал талантливый публицист М.Н. Катков, который в 1878 г. первым призвал последовать примеру Бисмарка. Когда наследник стал императором Александром III, Победоносцев оказался его ближайшим советником, а Катков – рупором «нового курса». В 1882 г. был созван большой съезд промышленников, на котором они потребовали введения покровительственных пошлин. После оказания давления на протяжении длительного периода времени на либерального министра финансов Н.Х. Бунге (и его отставки) были введены пошлины, обеспечившие ускоренное развитие российской тяжелой промышленности.

Примечания

1. ВАЛЛЕРСТАЙН И. Мир-система Модерна. Т. 3. М. 2016, с. 210–219.
2. МЕНДЕЛЬСОН Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 2. М. 1959, с. 627, 736.
3. СТЕПАНОВ В.Л. Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М. 1998.
4. СОЛОВЬЕВА А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М. 1990, с. 269.
5. ГЕРШЕНКРОН А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М. 2015, с. 154.
6. КУПРИЯНОВА Л.В. Буржуазия и проблемы протекционизма в России. 1860–1880 годы. В кн.: История предпринимательства в России. Кн. 2. М. 2000, с. 87.
7. СОЛОВЬЕВА А.М. Ук. соч., с. 87.
8. СОРОКИН А.И. Протекционизм и промышленное развитие России в XIX веке. — Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2009. № 4, с. 82–93; САНЬКОВА С.М. «Национальная экономическая политика» периода царствования Александра III в представлении М.Н. Каткова. — Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 6, с. 95–100; СТЕПАНОВ В.Л. М.Н. Катков о проблемах таможенной политики в России: фритредерство или протекционизм (1860–1880 гг.)? — Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3, с. 116–129.
9. Например: ВАЙРОСН Р. European Trade Policy, 1815–1914. In: The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 8 / Ed. by P. Mathias, S. Pollard. Cambridge. 1989.
10. МЕНДЕЛЕЕВ Д.И. Обзор фабрично-заводской промышленности и торговли России. В кн.: Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб. 1896, с. 13.
11. МЕНДЕЛЬСОН Л.А. Ук. соч., с. 627, 736.
12. КУПРИЯНОВА Л.В. Ук. соч., с. 180; МОШКИН А.Н. Предприниматели и таможенная политика правительства России в 1850–1870-е годы. — Омский научный вестник. 2007. № 4, с. 13; НАЙДЕНОВ Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М.—Берлин. 2021, с. 190.
13. НАЙДЕНОВ Н.А. Ук. соч., с. 214.
14. АСТАНКОВ В.А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М. 2014, с. 69, 121.
15. КАЧАЛОВ Н.А. Записки тайного советника. М. 2012, с. 394.
16. Там же.
17. МЕЩЕРСКИЙ В.П. Мои воспоминания. Ч. 2. СПб. 1898, с. 99–100, 222.

18. ЧЕРНИКОВА Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М. 2017, с. 128.
19. ЛОДЫЖЕНСКИЙ К.Н. История русского таможенного тарифа. СПб. 1886, с. 291; РАДЦИГ А.А. Железодельная промышленность всего света. СПб. 1900, с. 70–71; СОБОЛЕВ М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск. 1911, с. 311.
20. КУПРИЯНОВА Л.В. Ук. соч., с. 183.
21. ЕЕ ЖЕ. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М. 1994, с. 100; ВАЙРОСН Р. Ор. cit., р. 62.
22. ПОЛУНОВ А.Ю. Проблема «власть и общество» в воззрениях русских консерваторов (к вопросу о взглядах М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева). — Тетради по консерватизму. 2018. № 3, с. 223.
23. Цит. по: КУПРИЯНОВА Л.В. Таможенно-промышленный протекционизм..., с. 98–99.
24. Цит. по: ROSENBERG H. Political and Social Consequences of the Great Depression of 1873–1896 in Central Europe. — The Economic History Review. 1943. Vol. 13. No. 1/2, p. 63; ТРАВИН Д., МАРГАНИЯ О. Европейская модернизация. Кн. 1. М. 2004, с. 429–432; ВАЙРОСН Р. Ор. cit., р. 46–53.
25. ОБОЛЕНСКАЯ С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М. 1992, с. 114–115.
26. Цит. по: Там же, с. 133.
27. ВАЙРОСН Р. Ор. cit., р. 60; ТРАВИН Д., МАРГАНИЯ О. Ук. соч., с. 439.
28. КАТКОВ М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1878 год. М. 1897, с. 583–584.
29. Там же, с. 584–585.
30. ЕГО ЖЕ. Собрание... 1879 год, с. 26.
31. ВАЙРОСН Р. Ор. cit., р. 52.
32. КАТКОВ М.Н. Собрание... 1879 год, с. 108.
33. Там же, с. 176.
34. ВИТЧЕВСКИЙ В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. Челябинск. 2020, с. 142; СОБОЛЕВ М.Н. Ук. соч., с. 427, 429, 558, 560; КАТКОВ М.Н. Собрание... 1879 год, с. 509.
35. ПОЛУНОВ А.Ю. Ук. соч., с. 223.
36. СОРОКИН А.И. Ук. соч., с. 88.
37. БУНГЕ Н.Х. О финансовом положении России. В кн.: «Судьбы России». Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX вв. СПб. 2007, с. 205.
38. СТЕПАНОВ В.Л. Н.Х. Бунге..., с. 122, 167.
39. Цит. по: Там же, с. 163.
40. Цит. по: ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М. 1964, с. 338, 388.
41. КУПРИЯНОВА Л.В. Буржуазия и проблемы протекционизма..., с. 185.
42. КАТКОВ М.Н. Собрание... 1882 год, с. 231.
43. БЕРЛИН П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М. 1922, с. 220.
44. Труды высочайше разрешенного торгово-промышленного съезда, созванного Обществом для содействия русской промышленности и торговле в Москве в июле 1882 г. СПб. 1883, с. 998.
45. СОБОЛЕВ М. Н. Ук. соч., с. 563–573.
46. Цит. по: ПОЛОВЦОВ А.А. Дневник Государственного секретаря. Т. 1: 1883–1886. М. 2005, с. 208.
47. Цит. по: ВИТЧЕВСКИЙ В. Ук. соч., с. 144.
48. ПОКРОВСКИЙ М.Н. Русская история. Т. 3. СПб. 2002, с. 295.